

НАСТОЯЩЕЕ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

TOM O'NEILL

with Dan Piepenbring

CHAOS:
CHARLES MANSON,

THE CIA, AND THE SECRET HISTORY OF THE SIXTIES

ТОМ О'НИЛЛ

при участии Дэна Пайпенбринга

ЧАРЛЬЗ МЭНСОН.

ЦРУ И ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ ШЕСТИДЕСЯТЫХ

Перевод с английского: Елена Капитонова

Москва
Издательство АСТ
 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)
О-58

Tom O'Neill
with Dan Piepenbring
CHAOS:
Charles Manson, the CIA,
and the Secret History of the Sixties

Перевод с английского: *Елена Капитонова*

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

*В оформлении обложки использована фотография
Чарльза Мэнсона (San Quentin)*

ISBN 978-5-17-149032-4

Copyright © 2019 by Tom O'Neill
© Елена Капитонова, перевод, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

Посвящается моим родителям

ПРОЛОГ

Винсент Буглиози¹ разразился очередной гневной тирадой.

— Хуже нет: додуматься обвинить прокурора в том, что я, по-твоему, натворил в этом деле, — рявкнул он на меня. — Вопиющая, просто вопиющая клевета.

Солнечный день в феврале 2006 года, мы сидим на кухне его дома в Пасадене. Уютное местечко, заставленное мягкой мебелью, сплошь в цветочном узоре, а за окном — не поверите — белый штaketный забор. Все это никак не вязалось с царившей в доме враждебной атмосферой. Буглиози угрожал подать на меня в суд. Как он вскоре сообщит мне, речь шла об «иске за клевету на сто миллионов долларов» и «одном из крупнейших судебных процессов по делу о тру-крайме». Если я откажусь смягчить свои выводы о нем, меня уже ничто не спасет.

¹ Правильное, но менее распространенное произношение — Бульози. Здесь и далее по тексту будет использоваться более известный вариант фамилии. (*Примеч. редактора.*)

— Полагаю, нам следует считать друг друга противниками, — скажет он мне позже.

Винс — мы с ним общались на «ты», как, наверное, и положено настоящим противникам — был искусным оратором, и эта фраза относилась к числу его коронных. Наша беседа в тот день растянулась на шесть с лишним часов, и большую часть времени говорил он, выстраивая речь ничуть не менее ловко, чем во времена судебного процесса над Чарльзом Мэнсоном более тридцати пяти лет назад. В свой семьдесят один год, даже одетый неформально, Винс по-прежнему выглядел внушительно и получал явное удовольствие, пытаясь поразить меня масштабами проделанной им работы: кучей сваленных на столе из термостойкого пластика тетрадей, блокнотов, магнитофонных и рукописных записей, а также стопкой книг его авторства. Жилистый и подвижный, с яркими серо-голубыми глазами, он садился лишь для того, чтобы в очередной раз вскочить и начать тыкать пальцем мне в лицо.

Перелистывая страницы одного из своих блокнотов, он зачитал несколько явно отрепетированных замечаний. «Я порядочный человек, Том, и я собираюсь просветить тебя, насколько порядочен Винс Буглиози».

Именно так он и поступил — произнес заранее подготовленную «вступительную речь», которая длилась сорок пять минут. Он настоял, чтобы мы начали подобным образом. Он даже подрядил свою жену Гейл стать свидетелем этого процесса — на случай, если я потом попытаюсь исказить его слова. По сути, он превратил собственную кухню в зал суда. А в зале суда он был в своей стихии.

Буглиози сделал себе имя на деле Мэнсона, покорив страну историями о хиппи-убийцах, промывании мозгов, расовых войнах и опасных «кислотных» трипах. Винс, можете не сомневаться, сразу же и не один раз напомнил мне, что он автор трех бестселлеров, включая «Helter Skelter», его собственного расследования убийств секты Мэнсона и их последствий, ставшего самой популярной книгой в истории трукрайма. Если в тот день он и казался малость взвинченным, что ж, я выглядел не лучше. Я планировал надавить на него, дабы прояснить кое-какие моменты в его поведении на процессе по делу Мэнсона. В книге «Helter Skelter» много неоднозначных мест: противоречия, умолчания, расхождения с полицейскими отчетами. Ее текст исходит от официального источника, так что мало кому приходит в голову подвергать сомнению содержание. Однако я нашел немало документов — многие из них были забыты на десятилетия и никогда прежде не публиковались, — которые указывали на связь Винса с множеством других важных для дела фигур, вроде инспектора по условно-досрочному освобождению, надзиравшего за Мэнсоном, а также его друзей в Голливуде, копов и юристов, ученых и врачей, имевших дело с Чарли. Помимо прочего, в материалах самого Винса нашлось подтверждение того, что один из его ключевых свидетелей солгал под присягой [1].

Порой мне становится интересно, заметил ли Винс, насколько сильно я нервничал во время нашей встречи. Обычно я не хожу в церковь, но в то утро отправился туда, чтобы помолиться. Моя мама всегда советовала мне обращаться к Богу, если я нуждаюсь в помощи, а в тот день мне не помешала бы

любая помощь, какую я только мог получить. Я надеялся, что беседа с Винсом станет поворотным моментом в моем кропотливом семилетнем расследовании убийств «Семьи». К тому времени я опросил больше тысячи человек. На разных этапах эта работа приводила меня то к разорению, то к депрессии, то к опасению, что я превращаюсь в одного из «тех чудиков» — одержимого навязчивой идеей, сторонника теории заговора или просто сумасшедшего. Я терял друзей. Родные всерьез сомневались в моей нормальности. Сам Мэнсон пытался увещевать меня прямо из тюрьмы. Мне много раз угрожали. Я никогда не считал себя легковым, но обнаруженные мной факты, связанные с убийствами секты Мэнсона и жизнью Калифорнии в шестидесятые годы, — факты, ранее казавшиеся мне невозможными, — явно свидетельствовали о двойных стандартах и умышленном сокрытии, в котором были замешаны департаменты полиции всего штата. А еще суды. А еще — и тут мне приходится сделать глубокий вдох, прежде чем я решусь это сказать, — ЦРУ.

Если бы мне удалось заставить Буглиози признать хоть какое-то мелкое преступление или проговориться о какой-нибудь второстепенной детали, я смог бы, наконец, взяться за распутывание десятков других нитей своего расследования. Быть может, мне даже удалось бы вскоре вернуться к нормальной жизни, какой бы она ни была. В самом крайнем случае я убедился бы, что сделал все возможное, чтобы добраться до дна этой, казалось, бездонной ямы.

Однако, наблюдая, как Винс у себя на кухне на протяжении нескольких часов скрупулезно аргументирует каждый пункт обвинения, я пал духом. Он

тщательно отстроил защиту. Мне с трудом удавалось вставить хоть слово.

— Признаю твои заслуги в сборе сведений, — сказал он мне. — Ты нашел то, что не удалось обнаружить мне.

Максимально близок к успеху я оказался, когда он произнес: «Возможно, я кое-что упустил». Но потом он добавил: «Я никогда в жизни не сделал бы то, в чем ты меня подозреваешь! Понял? Никогда. Все мои действия идут вразрез с этим. И еще, Том: даже если бы у меня возникла мысль поступить так, — имелось в виду склонение свидетеля к даче ложных показаний, — это все равно путь в никуда. Это нелепо. Это... это глупо... *Кого вообще это волнует?* Это ничего не значит!»

Кого вообще это волнует? За прошедшие годы я много раз задавал себе аналогичный вопрос. Стоило ли тратить столько времени и сил на эти, пусть и одни из самых известных в американской истории, но давно навязшие в зубах преступления? Как я докатился до того, что по уши в них увяз? Помню, как бросал взгляды на Гейл, жену Винса, пока тот зычным голосом тянул свою длинную «вступительную речь». Она с измученным видом прислонилась к кухонному шкафчику, прикрыв глаза. В конце концов она извинилась и поднялась наверх, чтобы прилечь. Должно быть, для нее все это было не впервой — слушать его заученные реплики, его напыщенные речи. В минуты самобичевания мне кажется, что мое окружение чувствует себя, примерно как Гейл в тот день. О нет, *опять!* Только не Мэнсон с его убийствами. Мы уже сто раз это проходили. Мы же это уже пережили. Мы знаем все, что только можно знать. Не начинай сначала.

Тогда я почти обрадовался, увидев, как расперевивался Винс. Само понимание того, что я смог вывести его из себя, заставляло меня продолжать. Почему ему так важно все замять? И если мои открытия действительно «ничего не значат», зачем тогда столько его бывших коллег утверждают обратное?

Один из моих источников сообщил Винсу о проделанной мной работе, натолкнув его на нелепую мысль, будто я считаю, что он подставил Мэнсона [2]. Ничего подобного. Я и не думал оправдывать Мэнсона. Уверен, он был ничуть не меньшим злом, чем его изображали в СМИ. Но *также* правда, что Стивен Кей — один из обвинителей по делу, коллега Винса, но не его друг — был шокирован обнаруженными мной записями Винса и заявил: одного этого может быть достаточно, чтобы отменить все приговоры против Мэнсона и «Семьи». Впрочем, такую цель я себе никогда не ставил. Мне лишь хотелось выяснить, что там на самом деле произошло. «Теперь я даже не знаю, чему верить, — сказал мне Кей. — Если он [Винс] подтасовал это, то что еще он мог подтасовать?»

Мне тоже хотелось это знать, но Винс неизменно находил способ сменить тему. «К чему ты ведешь? — снова и снова спрашивал он. — В чем тут, по-твоему, дело?» А дело, на мой взгляд, было в том, что ложные показания ставили под сомнение сам мотив убийств. Но Винсу некогда было в этом разбираться, он был слишком занят тем, что снисходительно выяснял *мои* мотивы. Да как я посмел намекать, что он что-то сделал неправильно? Как буду с этим жить, зная, что бросил тень на его безупречную репутацию? Ему доставляло удовольствие поминать «Человека в зеркале», словно это известное выражение придумал он,

а не Майкл Джексон.² «Тебе не укрыться, — говорил Винс, — тебе от него не спрятаться!» Я пытался вернуть разговор к Мэнсону, но у Винса на уме было другое. Он рвался предоставить «свидетельства» своей отличной репутации, «зачитать их для протокола».

В тот день мы оба запаслись диктофонами — я подготовился не менее тщательно, чем он, и никто из нас не собирался рисковать остаться без полного отчета о нашем разговоре. Раз за разом, как только атмосфера накалялась, а Винс хотел поделиться конфиденциальной информацией, он требовал остановить запись, и нам приходилось отключать оба устройства, порой всего на несколько секунд, а потом снова включать их. Иногда он забывал про свой диктофон, и мне приходилось напоминать: «Винс, ты его не выключил».

Не под запись он набрасывался на меня снова, его глаза метали молнии из-под серебристого полумесяца волос. «Если ты выпускаешь книгу, которая порочит мою репутацию, ты должен понимать одну вещь, — сказал он. — Ты должен понимать, что не оставляешь мне выбора. Я *обязан* подать на тебя в суд».

Когда я наконец вышел из его дома, у меня разболелась голова от его криков, а солнце уже скрылось за горами Сан-Габриэль. Гейл больше вниз так и не спустилась. На улице я не успел даже добраться до машины, как Винс схватил меня за руку и напомнил,

² «Man in the Mirror» — сингл 1988 года, выпущенный в рамках седьмого студийного альбома Майкла Джексона под названием «Bad». В припеве песни о бедах и жестокости мира говорилось о том, что нужно «начать с человека в зеркале» и изменить себя, чтобы мир стал лучше (*здесь и далее — примеч. перев.*).

что его хвалебный отзыв на обложке моей книги может повысить ее продажи, — и он с радостью напишет его при условии, что я предварительно согласую с ним текст рукописи. «Это не услуга за услугу», — добавил он. Но мне показалось, что именно это он и предлагает.

Уезжая, я чувствовал себя подавленным. Мне только что довелось потягаться с одним из самых известных в мире прокуроров и авторов тру-крайма. Конечно, мне не удалось его расколоть. Но я знал, что не мне одному. Коллеги-газетчики предупреждали меня: Винс может быть невыносим. Одна из них, Мэри Нейсвендер, писавшая для «Лонг-Бич пресс телеграм» и «Индепендент», рассказала, что Винс угрожал ей еще в восьмидесятых, когда она готовила про него разоблачительную статью. Он знал, в какую школу ходят ее дети, «и было бы очень просто подбросить наркотики им в шкафчики». На самом деле мне и ее подтверждение не требовалось — Винс сам в первые же минуты встречи заявил мне, что без всяких угрызений совести готов причинять боль людям «во имя справедливости или возмездия».

Передышка в общении с ним оказалась недолгой. Приехав домой в Венис-Бич, я обнаружил, что он уже успел оставить мне сообщение — мол, хочет «окончательно прояснить пару вещей». Я перезвонил ему, и мы проговорили еще несколько часов. На следующий день мы созвонились снова — потом еще раз, и еще. Поняв наконец, что я не отступлю, Винс разозлился не на шутку.

«Если ты хотя бы намекнешь читателям, что я каким-то образом скрыл от присяжных улики по делу Мэнсона, — заявил он мне по телефону, — то хочешь

верь, хочешь нет, но единственное, чего ты добьешься, — это угроза финансового краха, причем как для тебя, так и для твоего издателя». Требуя извинений, он заверил меня, что я ступаю «на опасную дорожку»: «Возможно, в следующий раз мы увидимся в суде, когда я буду подвергать тебя перекрестному допросу».

К счастью, этого так и не произошло. В следующий раз я увидел Винса в июне 2011 года, когда он прошел мимо меня в лектории библиотеки Санта-Моники, где собирался выступить с докладом. Винс заметил в толпе меня — своего противника — и на полпути остановился.

— Ты же Том О'Нилл?

— Да. Привет, Винс.

— И с чего ты такой радостный?

Должно быть, у меня на лице застыла нервная улыбка.

— Рад тебя видеть, — ответил я.

Потратив какое-то время на изучение меня, он спросил:

— Ты что-то сделал со своими волосами?

— Нет.

— Раньше было как-то по-другому.

И Винс пошел дальше. На том все и закончилось. Больше говорить нам не довелось. Винс умер в 2015 году. Порой я жалею, что он не дожил до момента, когда смог бы прочитать эту книгу, даже если бы потом подал на меня в суд. Сейчас я понимаю: с моей стороны было глупо ожидать от него четких ответов. Я снова и снова прокручиваю в голове наш разговор, прикидывая, как мог бы уличить его во лжи, где нужно было надавить на него сильнее и как я мог

бы парировать его выпады. Я и правда считал, что если проявлю упорство, то смогу докопаться до истины. Имевшиеся у меня тогда вопросы продолжали неотступно мучить меня на протяжении почти двадцати лет, но теперь большинство тех, кто знал всю правду об этой истории, включая самого Мэнсона, уже мертвы. Впрочем, в одном я все равно уверен: многое из того, что мы считаем фактом, на самом деле является вымыслом.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ВЕКА

Двадцатью годами ранее

Моя жизнь резко свернула не туда 21 марта 1999 года, на следующий день после моего сорокалетия — тогда все и началось. Я валялся в постели с похмелья, как всегда бывало после моих дней рождения, и мучился от острого приступа отвращения к себе. Я был журналистом на фрилансе, который маялся без дела последние четыре месяца. В журналистику я попал почти случайно. Несколько лет до этого я в ночную смену правил запряженной в экипаж лошадьё в Центральном парке, но со временем написанные мной по собственной инициативе материалы, опубликованные в журналах вроде «Нью-Йорк», позволили рассчитывать на более серьезные и интересные задания. И хотя на момент начала этой истории мне нравилось жить в Венис-Бич и зарабатывать себе на жизнь написанием статей, я скучал по Нью-Йорку, а мое положение по-прежнему оставалось весьма шатким. Мои